

интересов и умонастроений той социальной среды, к которой он относил Даниила Заточника, а как отвлеченный, классово-безличный документ, свидетельствующий о „печальном разладе между идеалом и действительностью“.¹ Н. К. Гудзий, рассматривая Даниила Заточника как боярского холопа, вовсе не ищет в его творчестве таких мотивов, которые были бы характерны для настроений всей холопией массы. В трактовке Н. К. Гудзиев Даниил горестно переносит свою холопскую службу у какого-то немилостивого боярина. Он стремится попасть на службу к князю, чтобы со временем стать его свободным дружинником и тем самым высоко подняться над массой холопов, к числу которых он сам принадлежит. Из этого как будто можно сделать вывод, что какую бы сентенцию Даниил ни изрекал, он не выявляет нам настроений холопов, ибо, стремясь стать отщепенцем этой классовой группы, он не может рассматриваться как выразитель ее чаяний и дум. Получается странное и парадоксальное положение: исследователи, затратившие немало усилий для определения социальной среды, из которой вышел Даниил Заточник, предпринимают свои изыскания как бы специально для того, чтобы нашего автора тут же от этой среды оторвать.

Мне кажется, что содержание самого памятника дает достаточно материала для того, чтобы определить, какие общественные интересы он отражает и какое место, в связи с этим, он занимает в истории русской общественной мысли.

Если отбросить в сторону рассыпанные в Слове Даниила Заточника различные житейские афоризмы, среди которых главное место занимают выпады против злых жен, и обратиться только к его высказываниям, имеющим широкий общественный и политический интерес, то нетрудно убедиться, что в основе всего памятника как в первой, так и во второй редакции — лежит идея сильной княжеской власти. Князь — центральная фигура памятника: к князю обращены взоры не только автора послания, но вообще всех подданных, он их опора и надежда, их защитник от бед и напастей. Сравнивая себя с „травой блещеной“, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не идет, или с придорожным сухим деревом, которое „мнози... посекают... и на

¹ „Очень замечательно, — пишет Ф. И. Буслаев, — что по преимуществу народным в древней Руси сделалось такое произведение, которое как в своем содержании, так и в лице автора представляет печальный разлад между идеалом и действительностью, между симпатичною личностью автора и жалкою его судьбою. Недовольство действительностью, желание выйти из безотрадного положения, горькая насмешка над человеческим достоинством, никем не признанным, смелый протест против бессмысленного оскорбления, наносимого нежнейшим, благороднейшим и самым возвышенным чувством человека, каковы семейная любовь и благочестие, — вот основные темы жалоб Заточника. Не здесь ли, не в этих ли вопиющих жалобах на разложение древне-русской жизни надобно видеть причину той симпатии, какую питали старые грамотники к слову Заточника?“ (Ф. И. Буслаев. О народности в древнерусской литературе и искусстве. Ист. очерки русск. нар. слов. и иск., т. II, стр. 94).